

Ф О Л Ь К Л О Р И С Т И К А

УДК 398.332.416(=161.1)

Ю. А. Крашенинникова, С. Г. Низовцева

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ОБХОДЫ В РУССКИХ ТРАДИЦИЯХ ГОРНОЗАВОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ КОМИ (В ЗАПИСЯХ XXI в.)

В работе представлены фольклорные материалы нач. XXI в., записанные от русского населения горнозаводских поселений Республики Коми, появление которых связано с открытием железорудных промыслов в сер. XVIII в. Авторы рассматривают святочную обрядность и поэзию, приуроченную к рождественским обходам домов взрослым и детским населением. Обращение к отдельным сюжетам, связанным с празднованием Рождества и святочного периода, демонстрирует «встраивание» местных традиций, сформированных более пестрым по составу населением, в культуру Русского Севера и центральной России.

Ключевые слова: русские фольклорные традиции, Республика Коми, календарный комплекс, святочная обрядность, рождественские обходы, славление.

Работа посвящена русским фольклорным традициям заводских поселений Нювчим (Сыктывдинский р-н), Кажым и Нючпас (Койгородский р-н), появление которых в Коми крае связано с открытием на этой территории железорудных промыслов в сер. XVIII в. (1756–1761 гг.). Первоначально основное население промыслов (квалифицированную его часть) составили обученные заводскому мастерству государственные крестьяне Вятской и Великоустюжской провинций, Вологодской и Костромской губерний; на работы принимались также беглые крестьяне, укрывающиеся от рекрутчины и уплаты податей; зафиксированы факты вербовки в нач. XX в. рабочих из Москвы, Урала, Рязанской и др. губ. [Политов 2005, 109, 111, 112; Сурина 1973, 69]*.

В связи с преобладанием населения из севернорусских и центральных губерний Европейской части России в поселениях формируется фольклор-

* Первый вариант работы был подготовлен в 2016 г. для публикации в англоязычном издании «Folklore»; настоящая работа включает новые аналитические наблюдения, дополнена новыми материалами, записанными в 2017 г. во время полевого исследования.

ная культура, «отсылающая» к традициям тех мест, откуда происходят заводчане*. Специфический характер поселений (заводские поселки с «градообразующим» предприятием), функционирование заводов до сер. (пос. Кажым) и кон. XX в. (пос. Нювчим), неоднородный состав русского населения, окружение аборигенным коми населением и контакты со спецпереселенцами из разных мест России – эти и другие факторы оказали влияние на формирование местной фольклорной культуры и в какой-то мере обусловили структуру фольклорных традиций**.

Корпус текстов о праздновании Рождества и святочной обрядности записывался нами от населения трех поселений в 2008–2017 гг. Тексты дают представление о традиции первой трети – половины XX в.; мы оперируем разными по объему и информативности записями, которые содержат весьма конкретную информацию о перечне ритуальных действий; народные дефиниции, уточняющие жанровые показатели, особенности исполнения и содержания ритуальных текстов; половозрастные, временные, территориальные маркеры; пояснения причин и последствий исполнения того или иного действия, текста с точки зрения собственно носителей традиции.

Характерными чертами рождественско-святочной обрядности в местных традициях являются обходы домов с целью славления Рождества, ряженье, гадания; имеющиеся тексты условно делятся на три тематических блока. Несмотря на фрагментарность, неоднородность и пестроту материала, в каждом тематическом блоке можно условно выделить стабильные и факультативные элементы, показывающие устойчивость / необязательность, регулярность / нерегулярность, популярность / непопулярность, воспроизводимость / неповторяемость в традиции (вербального текста, действия, предмета, атрибута и др.).

В повествованиях о святочной обрядности выделяются несколько тем. В первых, рассказы о славлении – ритуальных обходах домов детьми и взрослым населением. Вторая характерологическая черта местной святочной обрядности – ряженье. В повествованиях, посвященных ряженым, практически все информанты затрагивают следующие темы: поведение ряженных вне и внутри дома; период их активизации, одежда (перечень элементов и качественные характеристики) и маска, персонажи ряженья, угощение ряженных. С меньшей регулярностью появляются темы, связанные с технологией изготовления маски, а также психологические переживания от встречи с ряженым и индивида, который сам был ряженым в святочный период***.

* «Привнесенные» элементы обнаруживаются и в материальной культуре: этнографы не исключают влияния типов жилищ тех районов, откуда были родом пришлые рабочие, в частности, территорий Вятской и «особенно Пермской губернии» [Жеребцов 1962, 132–133]; в одежде присутствует заводская и городская специфика; в материальной культуре пос. Нювчим сохранилась традиция кружевоплетения («плетение на коклюшках»), не характерная для местной коми культуры, но имеющая богатые традиции в близлежащих вологодских землях [Бандура, Крашенинникова 2011, 122] и др.

** Некоторые штрихи истории формирования и изучения быта и народной культуры рассмотрены в работе [Krasheninnikova 2018], к которой отсылаем читателя.

*** Подробно о феномене ряженья в этих традициях см. отдельную работу [Крашенинникова 2018a].

Наконец, довольно большой блок текстов и свидетельств составили рассказы о прогностических ритуалах: гаданиях на имя или образ будущего мужа, судьбу (замужество – смерть, беременность и проч.) (с сочным, при помощи колеб забора, обувью, тенью от сожженной бумаги, слушались на перекрестках дорог или под окнами дома, замороженной в ложке водой, с обручальным кольцом, с животными и проч.) и нарративы о сбывшихся / несбывшихся гаданиях, представляющие собой рассказы о реальных случаях из жизни информантов.

В настоящей работе подробно остановимся на текстах, повествующих о рождественских обходах домов. Материалы, связанные со славлением Рождества в русских горнозаводских поселениях республики, фрагментарны и не позволяют реконструировать развернутую цельную картину этого явления. Вместе с тем, привлечение работ, обобщающих наблюдения о нем у русских других регионов и локальных традиций, позволяет восстановить отдельные моменты христославления и выделить некоторые общие и специфические детали местного ритуала.

Нами записаны материалы о мирском христославлении, т.е. обходах домов мирским населением. Сведения о церковных или прицерковных обходах, осуществляемых священниками, церковнослужителями, учащимися церковных заведений, певчими церковных хоров, нищими (классификация А. Н. Розова [см.: Розов 1999, 25]), нами не зафиксированы. Обходы дворов взрослыми и детьми с целью славления Рождества, по свидетельствам информантов, начинались рано утром 7 января, непосредственно в день Рождества Христова (*«Когда мы были маленькими, мы ходили славить... Еще темно на улице, мы уже бежим утром славить. <...> Вот утром рано идем на Рождество...»*), зап. Ю. А. Крашенинникова 19.06.2013 г. в пос. Нючпас от П. Н. Козловой, 1942 г.р.)^{*}.

Свидетельства о подготовительных действиях, составе и половозрастных характеристиках групп славильщиков в материалах крайне редки или вовсе отсутствуют. Фиксируются факты и коллективных, и индивидуальных обходов со славлением, однако чаще местные жители отмечают, что ходили группами (*«Это на Рождество ходят колядой-то, да, на Рождество. Это я вот знаю, ко мне, я уж в этом доме жила, приходили. Кости́ха-то, Косари́ха-то, еще... шесть человек»*), зап. Ю. А. Крашенинникова 18.06.2013 г. в пос. Нючпас от Н. Н. Чесноковой, 1933 г.р., Г. Н. Михайловой, 1928 г.р.). Судя по количеству записей и комментариям информантов, детские рождественские обходы активно бытовали в пос. Кажым и Нючпас; в пос. Нювчим записаны лишь упоминания о праздновании Рождества и «пении божественных песен», но тексты славлений не зафиксированы. Известно, что дети чаще ходили славить по родственникам: *«К чужим сильно не ходили, к родне ходили. Где родня, туда бежат...»* (зап. Ю. А. Крашенинникова 18.06.2013 г. в пос. Нючпас от Л. Н. Кушховой, 1931 г.р., Обрезановой О. Н., 1937 г.р., Е. Н. Кармановой, 1944 г.р.), *«Я маленькая была только. Уж побольше-то не стала бы уже ходить [славить]. Ходила тоже к своей бабушке да к своим тётушкам, ходила»* (зап. Ю. А. Крашенинникова 2.07.2010 г. в пос. Кажым от Л. В. Вавиловой, 1930 г.р.) и др.

^{*} В паспорте информанта указываются собиратель, дата и место записи, год и место рождения. В случае, когда место рождения информанта и место записи совпадают, населенный пункт указывается только один раз.

При входе в дом славильщики получали разрешение от хозяев на исполнение ритуала славления. Разрешение оформлялось имплицитным формульным диалогом: «Славите ли Христа?» – «Славьте», вторая императивная реплика которого служила зачином ритуала, после чего следовало исполнение молитв и / или рождественских приговоров.

Сведения об использовании специальных атрибутов славления (звезда, фонарь, вертеп, «рачя» и проч.), имевших широкое распространение в традициях Русского Севера, в традициях Кажыма, Нючпаса и Нювчима не зафиксированы.

Репертуар взрослых славителей включал тропарь «Рождество Твое Христе Боже нас...» и ирмос «Христос рождается, славите...», в отдельных случаях их могли петь и дети, подростки, обученные родителями. При исполнении информанты старались следовать традиционной манере песнопений (песенно-речитативная), контаминируя фрагменты богослужебных текстов в один или заимствуя начальные фрагменты из каждого канонического текста и соединяя их друг с другом, допуская при этом разночтения с каноническими текстами в вербальной манифестации, искажения текстов (например, *срящите* – здравствуйте, *мирови свет разума* – мира и всех разума и др.; жирным шрифтом мы выделили текстологические схождения):

[пример из репертуара славильщика]

Вот он и начинает славить:

Христос рождается – славите!

Христос в небе – здравствуйте!

Христос на земле – возноситея!

Воспойте, люди, яко прославимся!

**Рождество Твое Христе Боже нас,
Воссия мира и всех разума.**

Тебе кланяемся, света божьего...

[Дальше] *забыл...*

(зап. Л. С. Лобанова, С. Г. Низовцева, А. Н. Рассыхаев 5.06.2011 г. в пос. Нючпас от Д. И. Костина, 1935 г.р.).

[канонические тексты]

Канон 1. Ирмос

Христос раждается – славите,

Христос с Небес – срящите.

Христос на земли – возноситеся.

Пойте Господеви, вся земля,

И веселием **воспойте, людие,**

Яко прославися...

Тропарь, глас 4

Рождество Твое, Христе Боже наш,

Воссия мирови свет разума,

В нем бо звездам служащий

Звездою учася

Тебе кланятися, Солнцу Правды,

И Тебе ведети с высоты востока.

Господи, слава Тебе.

(<https://azbyka.ru/bogoslužhenie/kanonnik/kanon04.shtml>, дата доступа: 6.04.2017 г.)*.

* А. Н. Розов указывает, что в XIX в. во время славления, осуществляемого священнослужителями, исполнялись два произведения из большого рождественского репертуара, звучащего в храме: тропарь «Рождество Твое, Христе Боже наш» и кондак «Дева днесь Пресущественнаго рождает» [Розов 1999, 27], а христославы-миряне использовали тропарь «Рождество Твое, Христе Боже наш», кондак «Дева днесь», ирмос «Христос рождается», стихиры, «к которым прибавлялось поздравление хозяев с праздником либо многолетие» [там же, 41].

Фрагментарность поэтических текстов и мозаичность описаний процесса рождественских обходов, отсутствие более ранних свидетельств [что объясняется, в частности, возрастными показателями информантов, попавших в опросы (их рождение приходится в основном на 1930-е гг.), закрытием в заводских поселениях в это же время церквей и запретами на поддержание традиции христославления] не позволяют провести полноценный анализ этого явления.

Чаще фиксируются тексты-воспоминания о славлении Рождества детьми, основанные на личном опыте и личных переживаниях современных информантов. В эти записи, помимо описания ритуальных действий, встраиваются временные и возрастные показатели, мотивировки, образцы народной терминологии и собственно поэтические тексты, отличающиеся текстологическими вариантами.

В кажымской и нючпасской традициях дети исполняли рождественский приговор «уньчик», варианты которого зафиксированы во многих традициях России, в частности в Архангельской, Вологодской, Вятской, Ульяновской, Нижегородской, Воронежской обл., в Прикамье [Ворошилин 2009, 31; Дранникова 2000, 46; Корепова 2009, 40; Сафронов; Традиционный фольклор 1995, 156; Черных 2008, 101] и др. А. Н. Розов, ссылаясь на мнение Е. А. Костюхина, отмечает, что возникает приговор в среде польских школяров, заимствуется сначала украинцами и белорусами, затем попадает в Россию [Костюхин 1998; цит. по: Розов 1999, 48]. В исследованиях представлено несколько точек зрения на жанровую природу этих текстов, в научном узусе они называются «славильный приговор» [Корепова 2009, 39–40], «рождественская песенка», которую «читали или пели» [Розов 1999, 48], колядка [Традиционный фольклор 1995, 156], рацейка [Дранникова 2000, 46]*, текст «славка» [Черных 2008, 97, 101] и др. Публикаторами и собирателями XIX в. эти тексты номинировались как детская раця (П. А. Бессонов, А. Шешенин, Г. К. Завойко), припевка, присказка (А. Н. Соболев, Г. С. Виноградов) (на это указывает: [Розов 1999, 48]).

Местная народная терминология предлагает такие дефиниции, как *присказулька*, *припевка*, *стишок*** . Комментируя особенности исполнения этих текстов, информанты указывают, что они *поются*, *говорятся*; или отмечают их песенно-речитативный характер («Словами, словами, они так говорят, как песенка идет. Немножко потянут, как и песенка», зап. Ю. А. Крашенинникова 3.07.2010 г. в пос. Кажым от Т. С. Филёвой, 1934 г.р., ур. Брестской обл. Белоруссии). Посредством имеющихся дефиниций современные информанты подчеркивают

* См. также термин Г. С. Виноградова: «рацейка, преобразованная в считалку» [Виноградов 1999, 356, № 406 а, б, в].

** В числе значений этих слов обнаруживаем следующие: *Присказулька* – уменьшит. к суц. присказка – короткий смешной рассказик, прибаутка... [Ушаков 1939, т. 3, стлб. 848]; *перен. разг.* То, что говорится перед чем-л. главным, как менее важное, как вступление [Ефремова 2000, <http://www.efremova.info/word/priskazka.html#WPcbkdSLTGg> (дата обращения: 3.04.2017 г.)]; *вгд., перм.* прибаутка, присловье; *вят.* частушка [СРНГ 1997, вып. 31, 383]. *Припевка* – *вят. южн сиб.* частушка; *перм. вгд.* В свадебном обряде величальная короткая песня (за которую часто дают подарки, деньги) [СРНГ 1997, вып. 31, 338].

краткость, лаконичность формы, в ряде случаев легковесность, легкомысленность, шуточность содержания, особенности исполнения; номинации передают сформированное внутри традиции представление об этом жанре детского репертуара как несерьезном, простом по форме, не содержательном*.

Современные записи демонстрируют степень текстовой вариативности: от 2–4 строк до более развернутых вариантов, в зачине которых появляется образ мальчика / вьюнчика / юньчика; в основной части перечисляются его действия («сел на стульчик», «прыгнул (вар.: прыг) на стульчик», «в дудочку играет», «гостей собирает», «Христа поздравляет», «Христа величает»), высказывается пожелание достатка, благополучия, процветания; заключительная часть содержит просьбу об одаривании («пожалуй рубличок / пяточок», «полезай в сундучок, доставай пяточок» и др.) и мотив получения угощения, например:

*Маленький Юньчик,
Сел на стульчик,
Дудочкой играет,
Христа поздравляет.
Со скотом, животом,
С пшеницею, с овсом.
Ты, хозяин-мужичок,
Полезай в сундучок,
Доставай пяточок.
Нам на орешки,
Деткам на потешки*

(зап. Ю. А. Крашенинникова 3.07.2010 г. в пос. Кажым от Т. С. Филёвой, 1934 г.р., ур. Брестской обл. Белоруссии, переехала в Кажым в 1957 г.)**.

Финальные три строки, содержащие требование-просьбу одаривания, получили бóльшую закрепленность в традиции и памяти информантов, нежели средняя часть рождественского приговора, передающая идею пожелания достатка, благополучия, процветания:

*Юньчик, юньчик,
Сел на стульчик.*

* Об использовании народной терминологии при описании жанра и его признаков см.: [Крашенинникова 2011].

** Запись сделана от уроженки Брестской обл. Белоруссии, переехавшей в пос. Кажым в 1957 г. и жившей долгое время со свекровью, уроженкой Кажыма, от которой, по воспоминаниям Т. С. Филёвой, она много узнала о местной культуре. Предполагаем, что этот рождественский приговор принадлежит местной, кажымской, традиции; в числе других материалов также был перенят от свекрови и сохранен в памяти как весьма «яркое впечатление» местной обрядовой культуры. На принадлежность этого текста местной традиции указывает большое количество вариантов, более лаконичных, но имеющих близкое текстовое воплощение, сделанных от других информантов, уроженцев пос. Кажым и Нючпас.

*В дудочку играет,
Христа поздравляет.
Вам на орешки,
Нам на потешки,
Деточкам на прянички*

(зап. Ю. А. Крашенинникова 25.06.2013 г. в пос. Кажым от Г. А. Янчук, 1934 г.р.).

*Маленький Юньчик,
Сел на стульчик,
Дудочкой играет,
Христа проздравляет.
Вам на потешки,
А маленьким ребятам на прянички, на конфеточки*

(зап. Ю. А. Крашенинникова, Н. Селиванова 3.07.2010 г. в пос. Кажым от И. Н. Кузьминой (дев. фам. Филёва), 1927 г.р.).

В самом кратком варианте, получившем наибольшее распространение, центральной остается идея прославления Христа и присутствующих:

*Юньчик, юньчик,
Сел на стульчик
В трубочку играет
Христа поздравляет*

(зап. Ю. А. Крашенинникова 24.06.2013 г. в пос. Кажым от Д. Н. Шишнева, 1932 г.р.);

*Вьюньчик, вьюньчик,
Сел на стульчик.
Дедушку и бабушку,
И Христа поздравляет*

(зап. Ю. А. Крашенинникова, С. Г. Низовцева 26.06.2013 г. в пос. Кажым от Г. А. Караваевой, 1939 г.р.);

*Маленький Юньчик
Сел на стульчик.
В дудочку играет,
Христа поздравляет*

(зап. С. Г. Низовцева, П. А. Шахматская 22.06.2013 г. в пос. Кажым от И. М. Добровой, 1934 г.р.);

*Маленький мальчик
Сел на стульчик,
Дудочкой играет,
Гостей собирает...*

(зап. Ю. А. Крашенинникова 2.07.2010 г. в пос. Кажым от Л. В. Вавиловой, 1930 г.р.).

Некоторые поэтические варианты демонстрируют процесс «потери основной смысловой части христославения – прославление рождения Христа»

(Розов 1999, 48), актуализируя в содержании идею требования / просьбы об угощении или одаривании деньгами:

*Юньчик, Юньчик,
Скок на стульчик.
Стульчик на бочок,
Подайте рубличок*

(зап. С. Г. Низовцева, П. А. Шахматская 18.06.2013 г. в пос. Нючпас от Э. Н. Косаревой, 1948 г.р.; вар. финальной строки: «дайте пяточок»; зап. Ю. А. Крашенинникова 19.06.2013 г. в пос. Нючпас от П. Н. Козловой, 1942 г.р.);

*Маленький Юньчик,
Прыгнул на стульчик.
**Я пришел не так –
Дайте денежку пятак!***

(зап. А. Н. Рассыхаев, Л. С. Лобанова, С. Г. Низовцева 5.06.2011 г. в пос. Нючпас от Д. И. Костина, 1935 г.р., А. Н. Костиной, 1934 г.р., ур. пос. Журавка Выгоничского р-на Брянской обл., переехала в пос. Нючпас в 1958 г.).

А. Н. Розов отмечает, что варианты этого текста фиксировались еще в 70–90-х гг. XX в. «как от пожилых певцов, вспоминавших свое детство, так и от девочек и мальчиков» и указывает, что главной целью этих произведений было «повеселить, позабавить слушателей», а исполнение «унчика» в 20–40-е гг. XX в. не только детьми, но и взрослыми «несомненно свидетельствует о разрушении традиции христовославления» [Розов 1999, 48]. Записи первого десятилетия XXI в. позволяют дополнить вышеприведенные выводы. Свидетельства о бытовании «юньчика» в 1930–1940-е гг. и мотивировки информантов позволяют предполагать, что эстетическая функция этих текстов отходит на второй план, а центральной становится утилитарная – получение угощения, а также каких-либо вещей, предметов (что объясняется, в частности, весьма тяжелым положением местного населения, и подчеркивается информантами): «...и там похвалят тебя, что-то дадут, конфетку, если есть. Если кусок сахара, ничё же не было дать-то вкусного. Пирожок какой-то, может...» (зап. Ю. А. Крашенинникова 2.07.2010 г. в пос. Кажым от Л. В. Вавиловой, 1930 г.р.), «У кого что есть, у кого конфеты, у кого печенье, кто денежку даст, копеечки какие-то, кто что мог, то и давал» (зап. Ю. А. Крашенинникова 3.07.2010 г. в пос. Кажым от В. Н. Филёва, 1934 г.р., Т. С. Филёвой, 1934 г.р., ур. Брестской обл. Белоруссии), «Вот кто даст денежки – копеечки, кто даст шаньгу, кто даст конфеты... Вот потом всё заславим, и на эти деньги купим: то кофту, материал на кофту, то на юбку, то на платье, ничего не было у нас, плохо мы жили» (зап. Ю. А. Крашенинникова 19.06.2013 г. в пос. Нючпас от П. Н. Козловой, 1942 г.р.).

Во-вторых, современные информанты четко разделяют «славильные» жанры на взрослый и детский репертуары. Не можем не отметить: в единичных свидетельствах зафиксирована информация о том, что дети также могли «славить молитвой», при условии, что ее исполнению их обучили взрослые, и в этом отношении главным критерием становился *научили / не научили*, поэтому *можешь*

исполнять / *не можешь* исполнять. Однако довольно устойчиво в комментариях повторяется мысль, что исполнение молитвы – это сфера взрослых, а «юньчик» – сфера детей: «*Оне, маленькие, и пели его* [«юньчика». – Ю. К., С. Н.], *а взрослые – те уж “Христос рождается, славите”*» (зап. Ю. А. Крашенинникова 25.06.2013 в пос. Кажым от И. Н. Кузьминой, 1927 г.р.), «[Раньше, говорят, по домам ходили и славили Рождество?] *Это кто знал, старенькие.* <...> [Дети тоже славили?] *Детки, нет, они только слушали.* [Не пели «Маленький юньчик»?] *А «юньчик»-то пели, пели...»* (зап. Ю. А. Крашенинникова 25.06.2013 г. в пос. Кажым от В. Д. Макаровой, 1925 г.р.), «...*детки говорили* [«юньчика». – Ю. К., С. Н.]. *А уж у взрослых была настоящая молитва*» (зап. Ю. А. Крашенинникова, С. Г. Низовцева 26.06.2013 г. в пос. Кажым от Г. А. Караваевой, 1939 г.р.). Комментируя распределение «славильных» жанров по возрастному критерию, информанты имплицитно подчеркивают «ценность» обрядовых текстов, важность и значимость их для ритуала: у взрослых – «настоящая молитва»*, дети говорят «простые слова».

В-третьих, современные информанты делают попытки разграничить местный (старожильческий) и «привнесенный» (в частности, посредством вербованного и переселенческого контингента) репертуар, обращая внимание на временные маркеры и территориальную принадлежность того или иного текста. Так, информант, комментируя одну из записей «юньчика», отмечает терминологические различия в номинировании процесса обхода домов на Рождество: *славить Рождество* (вар.: *ходить славить*) – местный термин, *колядовать* – термин украинской традиции: «...*по соседям ходили и это по-украински колядовали.* [У вас так называли?] *Нет. Это по-украински только колядовали.* [А здесь как говорили?] *Славили...»* (зап. С. Г. Низовцева, П. А. Шахматская 22.06.2013 г. в пос. Кажым от И. М. Добровой, 1934 г.р.). В другой записи из этого же населенного пункта на вопрос об исполнении в поселке коляды информант объясняет: «*Коледа – это там, в южных* [территориях], *у нас коляду не пели.* [Там это где?] *Ну, например, я в Белоруссии жила, там колядовать ходили. А здесь не колядовали, здесь славили. А там колядки*» (зап. Ю. А. Крашенинникова, С. Г. Низовцева 26.06.2013 г. в пос. Кажым от Г. А. Караваевой, 1939 г.р.)**.

Некоторые комментарии характеризуют содержание местных рождественских песенок. Информант, приводя фрагмент рождественской хулильной дет-

* В этом отношении местное народное толкование термина *молитва* и те коннотации, которыми оно наделено в культуре, сходно. Большинство словарей единодушно в значении лексемы «молитва»: «канонический словесный текст, произносимый верующими при обращении к их Богу» [Ушаков 1938, т. 2, стлб. 247; см. также: Ожегов, Шведова 1987, 307–308]; «хвалебное, благодарственное или просительное обращение к Богу, святым; установленный текст, читаемый или произносимый верующим при обращении к Богу, к святым» [Ефремова 2000]; «мольба, просьба; <...> слово, обращенное к Богу» [СРЯ 1982, вып. 9, 243–244].

** Вероятно, на восприятие колядки как жанра украинской или белорусской традиции оказали влияние переселенцы. Попутно отметим, что жанр коляды был распространен на Русском Севере, в частности Вологодской, Архангельской губ., тексты колядок исполнялись как взрослыми, так и детьми [Розов 1999, 42, 51].

ской песни, которую исполняли при недостаточном угощении, отмечает, что ее пели в Белоруссии, а в Кажыме дети поют «всякие песенки рождественские»; посредством этого имплицитного противопоставления (*похабный vs пристойный, приличный*) содержание местных детских текстов характеризуется как положительное или нейтральное: «У нас ребята пели такую похабную-то песенку: “А в этой хати, // Нечего дати, // Печь ободрана, // Хозяйка-то такая-то // Обмарана, засрана”. Тогда выбегают с палками и гонят. [Это пели у вас в Белоруссии?] Да, это у нас пели. А тут ребятки всякие песенки поют рождественские...» (зап. Ю.А. Крашенинникова 3.07.2010 г. в пос. Кажым от Филёвой Т.С., 1934 г.р., ур. Брестской обл. Белоруссии).

На возможное бытование в горнозаводских поселениях традиции колядования указывают единичные свидетельства, в которых информанты говорят о коляде как черте местной традиции, отмечая при этом термин *коляда*, а действия славильщиков описывая термином *колядовать*. Например, в интервью, сделанном от информанта из Кировской обл., переехавшего в пос. Кажым в 1955 г.: «А Рождество всё-таки вот колядки бывают, да что да. [Здесь так и называли: колядки?] У меня, например, там бабушки да что да, придут, я со свекровкой жила, там говорят: «Можно поколядовать?» [Это в Кировской обл.?] Нет, здесь, [когда] со свекровкой жила. Колядовать приходили. Песню [пели]: “**Коляда ты, коляда, // Ты да выйди за ворота...**” Чего-то “**...Не дашь пирожка, // Мы, говорит, теленка за рога...**” Начнут чего-то всяко, пискатульки* какие-то. Ага, ну и потом угощаем. Дети ходили тоже...» (зап. Ю. А. Крашенинникова, С. Г. Низовцева, П. А. Шахматская 23.06.2013 г. в пос. Кажым от А. А. Бурыловой, 1933 г.р., ур. д. Большой Кашнур Советского р-на Кировской обл.).

Информант цитирует два фрагмента коляды, первый из которых встречается в величальных колядках и изображает ситуацию прихода коляды (т.е. является зачинной «картиной»). Второй содержит просьбу-угрозу о подаянии или угощении. Подобный тип новогодней песни-просьбы, заключающей в себе требование обрядового подаяния, подробно рассматривает В. И. Чичеров. Он отмечает, что этот тип редко бытует в качестве самостоятельной песни, но «почти всегда входит в другие тексты как их составная часть» [Чичеров 1957, 124]. В текстах просьба о подаянии имеет «форму угрозы принести вред дому, если просьба не будет исполнена» [там же, 124], «требование, перерастающее в угрозу навлечь беду» [там же, 126]**.

В другом интервью информант, уроженец Кировской обл., рассказывая о хождении ряженных по домам в пос. Кажым, также вспоминает фрагмент колядки: «[А Рождество как праздновали? Ходили по домам?] Это как снаряжённые ходили. Но я не ходила никуда. [А к вам не приходили?] Приходили. **Какую-то коляду пели. Чтобы чё-то дали, если не дашь, значит, быка за рога. «Коляда, коляда, дай пирога». Как-то: «А не дашь пирога, мы быка за рога». А у нас и не было быка-то никакого. [А про юньчика не пели песенку?] Нет.**

* Так в аудиозаписи. Здесь, вероятно, следует понимать *присказульки*.

** Подробно об этих текстах, типах контаминаций в них см.: [Чичеров 1957, 123–130].

[Не помните, кто эту коляду пел?] *Дети даже ходили, дети в основном. Их научат дома, они вот поют*» (зап. С. Г. Низовцева 20.05.2017 в пос. Кажым от М. Н. Шишнёвой, 1934 г.р., урож. Кировской обл., в Кажыме с 1956 г.).

Содержание еще одного фрагмента коляды, записанного в пос. Нючпас, отсылает к песне «Яблочко», имевшей распространение в городской среде*: *«Колядой-то всё ходили. Чего-то навешают, какую-то... “Коляда ты, коляда, куда катишься? // Ко мне в рот попадешь, не воротись...” Все это пели. Колядой-то ходили, я уже в доме этом жила-то. <...> Это на Рождество ходят колядой-то, да, на Рождество. Это я вот знаю, ко мне, я уж в этом доме жила, приходили. Костиха-то, Косариха-то, еще... шесть человек. Деньги имя даешь всем, сколько есть какая мелочь, рублям-то раньше не давали, рублители дорогие раньше были. А копейки-те соберешь все, собираешь, что придут вот.* [У вас здесь ходили колядой?] *Да, да.* [Т.е. седьмого января Рождество славят?] *Да.* [Поют рождественскую молитву?] *Да.* [На следующий день] *коляда: “Коляда, ты коляда, куда катишься? // Ко мне в рот ведь попадешь, не воротись”.* Так и говорили. *Всё это приходили. Ну, поют там, молитвы-те не такие, как я говорю.* [С колядой на второй день приходили?] *Да, на второй день уже приходят колядой.* [А на третий день] *девушки снаряжухам ходят* (зап. Ю. А. Крашенинникова 18.06.2013 г. в пос. Нючпас от Н. Н. Чесноковой, 1933 г.р., Г. Н. Михайловой, 1928 г.р.).

Еще одна особенность рождественских христославлений русских горнозаводских традиций вт. пол. XX в. в том, что славление могло производиться ряжеными; нами зафиксированы свидетельства, что ряженые также славили Рождество: *«[ряженые] зайдут и песню поют свою. [Какую?] Ну, а вот, славили ну Бога да что да, вот такие песни-то. Сейчас такие не поют»* (зап. Ю. А. Крашенинникова 19.06.2013 г. в пос. Нючпас от А. Н. Соболевой, 1946 г.р.). Кстати сказать, в нескольких свидетельствах информанты называют действия ряженых *колядованием* (зап. Ю. А. Крашенинниковой 18.05.2017 г. в пос. Нючпас от А. Н. Белых, 1946 г.р.; 19.05.2017 г. в пос. Кажым от Л. В. Вавиловой, 1930 г.р.).

Хозяева привечали славильщиков и одаривали их выпечкой, яйцами, конфетами, мелкими деньгами, которые дети делили на всех: *«Нам кто-то два рублевóчка даст, кто-то шаньги пекот, дадут нам, с сумкой ходили. А мы радёшеньки, голод ведь был...»* (зап. С. Г. Низовцева, П. А. Шахматская 24.06.2013 г. в пос. Кажым от Н. В. Гурьевой, 1938 г.р.), *«давали там какую-то, может, копеечку или может что-то из этого, конфетку ли, печенье ли, печёное что-то...»* (зап. С. Г. Низовцева, П. А. Шахматская 18.06.2013 г. в пос. Нючпас от Э. Н. Косаревой, 1948 г.р.), *«Ну, кто шаньжку даст, кто булочку даст, кто чё.*

* С. Ю. Неклюдов, рассматривая жанры современного городского фольклора, упоминает песню кон. 1940-х гг. «Яблочко»: «“Яблочко (~ Эх, яблочко), куда (~ куды) котишься? (sic!) / Ко мне в рот попадешь — не воротись!” <...> Текст ... совершенно не воспринимался как незаконченный и не требовал продолжения» [Неклюдов 2011, 20]. С. Ю. Неклюдов не исключает, что «в рот попадешь» представляет собой переосмысление первоначального «в Ростов попадешь», объясняя это тем, что «с детской точки зрения яблочку гораздо естественнее попасть в чей-то рот, чем в непонятный Ростов» [Неклюдов 2011, 22].

А деньги мало, кто давал, мало. Но давали. Кто мелочь, копейки даст. А один раз с одной женщиной, ну девочкой, ходила, да нам 5 рублей дали. Мы чуть с ума не сошли, мы без памяти бежали в магазин разменять 5 рублей...» (зап. Ю. А. Крашенинникова 25.06.2013 г. в пос. Кажым от И. Н. Кузьминой, 1927 г.р., ур. пос. Кажым; Н. К. Задорожной, 1955 г.р.).

Считалось, что одаривание славильщиков способствовало благополучию семьи, поэтому старались угостить хорошо. Исследователи указывают, что одаривание имеет непосредственное отношение к культу предков и обладает прогностической, продуцирующей, защитной функциями: «Стремление наградить колядников лучше, чтобы обеспечить себе благополучие в хозяйстве и семье, опиралось на весьма архаические представления о том, что умершие предки в состоянии не только предсказать судьбу, но и повлиять на все сферы земной жизни» [Виноградова 1982, 148].

Об угасании традиции обхода домов на Рождество говорят информанты 1940-х годов рождения, из их комментариев следует, что примерно с кон. 1950-х гг. эта традиция начинает исчезать: «*“Юньчик, Юньчик, прыг на стульчик, стульчик на бочок, дай пятачок”*. Это маленькими детьми [исполнялось]. А взрослые-то <...> пели что-то даже такое вот наподобие церковное что-то, пели они вот это. Тоже ходили они, ну когда маленькая была. А потом-то уже **не стали славить, и дети не стали ходить, а раньше мы очень ходили**» (зап. С. Г. Низовцева, П. А. Шахматская 19.06.2013 г. в пос. Нючпас от М. Н. Володичевой, 1948 г.р.).

Таким образом, обращение к отдельным сюжетам, связанным с празднованием Рождества и святочного периода, демонстрирует «встраивание» местных традиций, сформированных более пестрым по составу населением, в культуру Русского Севера и центральной России, а отдельные элементы материнских культур в результате развития местных традиций стали их неотъемлемой частью. Анализ святочной обрядности и поэзии в записях нач. ХХI в. позволяет говорить о «схождениях» в наборе обрядовых действий (обходы домов с целью славения Рождества), моделях поведения и перечне магических практик (ряженье), образцах вербального фольклора с другими русскими локальными традициями. Современные записи позволяют констатировать угасание традиции славения Рождества, что проявляется в отсутствии четких сведений о половозрастном и количественном составе групп славильщиков, отсутствии атрибутов славения (звезда, фонарь, вертеп и проч.), осуществлении славления преимущественно детьми по родственникам, обеднении поэтического репертуара.

ЛИТЕРАТУРА

Бандура С. В., Крашенинникова Ю. А. Культурное наследие Нювчима: из опыта презентации музейной коллекции через фольклорный текст // Славянская традиционная культура и современный мир. Комплексные исследования традиционной культуры в постсоветский период: сб. науч. ст. Вып. 14. М., 2011. С. 121–131.

Виноградов Г. С. Страна детей: Избранные труды по этнографии детства. СПб., 1999. 550 с.

Виноградова Л. Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. Генезис и типология колядования. М.: Наука, 1982. 256 с.

Традиционный фольклор Вилегодского района Архангельской области (в записях 1986–1991 гг.): Исследования и материалы / Отв. ред. А. Н. Власов. Сыктывкар, 1995. 156 с.

Ворошилин В. А. Песни новогодних и рождественских обходов в Воронежской области // Живая старина. 2009. № 4. С. 30–34.

Дранникова Н. В. Материалы к Пинежскому этнодиалектному словарю // Живая старина. 2000. № 1. С. 45–47.

Ефремова Т. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000 [Эл. ресурс]. <http://www.efremova.info> (дата обращения: 3.04.2017).

Жеребцов Л. Н. К изучению культуры и быта горнозаводского населения Коми края (II половина XIX – начало XX вв.) // Историко-филологический сборник. Вып. 7. Сыктывкар, 1962. С. 121–138.

Корепова К. Е. Русские календарные обряды и праздники Нижегородского Поволжья. СПб.: Тропа Троянова, 2009. 481 с.

Костюхин Е. А. Христианские мотивы в восточнославянском детском фольклоре // Антропология религиозности / Ред. А. Панченко. СПб., 1998. С. 147–174.

Крашенинникова Ю. А. Свадебные приговоры в свете народной терминологии // Традиционная культура: научный альманах. 2011. № 3. С. 70–80.

Крашенинникова Ю. А. Ряженые и ряженье в русских традициях горнозаводских поселений Республики Коми (на материалах XXI в.) // *Brudne, odrażające, niechciane.* Pod redakcją Swiętłany Gaś, Doroty Kalecińskiej, Sandry Wawrzyniak. Wydawnictwo Rys. Seria: *Badania nad językiem i kulturą*, tom 2. Poznań, 2018 (in press).

Неклюдов С. Ю. Городская песня: память детства // Живая старина. 2011. № 1. С. 19–22.

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Изд-е 18, стереотипное. М.: Русский язык, 1987. 797 с.

Политов В. В. Промышленность Коми края в XVIII в. Сыктывкар, 2005. 120 с.

Розов А. Н. Русское рождественское христославление (материалы и исследование) // Русский фольклор. Материалы и исследования / Ред. А. Н. Розов. Т. 30. СПб., 1999. С. 20–53.

Сафронов Е. В. Особенности ульяновских Святков [Эл. ресурс]. <https://ulpressa.ru/2011/01/06/article143757/> (дата обращения: 03.04.2017).

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Сороколетов. Вып. 31. СПб.: Наука, 1997. 432 с.

СРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. Ф. П. Филин, ред. Г. А. Богатова. Вып. 9. М.: Наука, 1982. 357 с.

Сурина Л. И. На далекой окраине. Как жили и боролись за свои права рабочие Коми края. Сыктывкар, 1973. 80 с.

Толковый словарь русского языка. В 4-х тт. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 2. М., 1938. 1040 стлб.

Толковый словарь русского языка. В 4-х тт. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 3. М., 1939. 1424 стлб.

Черных А. В. Рождественские и новогодние обходы в русских традициях Пермского Прикамья в конце XIX – первой половине XX века // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2008. Вып. 1. С. 89–108.

Чичеров В. И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX веков (очерки по истории народных верований). М., 1957. 236 с. (Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Т. 40).

Krashennikova Y. Folklore historical prose of the Russian metallurgical tradition of the Komi republic // *Folklore: Electronic Journal of Folklore.* 2018 (in press).

Поступила в редакцию 23.07.2018

Крашенинникова Юлия Андреевна,

кандидат филологических наук,
Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН
167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26
e-mail: krasheninnikova@rambler.ru.

Низовцева Светлана Григорьевна,

научный сотрудник,
Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН
167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26
e-mail: svetlananiz@mail.ru

Yu. A. Krasheninnikova, S. G. Nizovtseva

Christmas rounds in the Russian traditions of the mining settlements of the Komi Republic (in records of the XXI century)

Folklore materials recorded at the beginning of the 21st century are presented in the article from the Russian population living in the mining settlements of the Komi Republic. The emergence of these settlements is connected with the opening of iron ore crafts in the middle of the 18th century. Authors analyse Christmas ceremonialism and poetry performed during the Christmas day by the adult and children's population. The appeal to the separate plots connected with the celebration of Christmas demonstrate "embedding" of the local traditions created by the more mixed population into the culture of the Russian North and the central Russia.

Keywords: Russian folklore traditions, Komi Republic, calendar complex, Christmas ceremony, Christmas rounds, slavleniye.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2018, vol. 12, issue 4, pp. 28–43. In Russian.

REFERENCES

Bandura S. V., Krasheninnikova Yu. A. Kul'turnoe nasledie Nyuvchima: iz opyta prezentatsii muzejnoj kollekcii cherez fol'klornyj tekst [Cultural heritage of Nyuvchim: from experience of the presentation of a museum collection through folklore text]. *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyy mir. Kompleksnye issledovaniya traditsionnoj kul'tury v postsovetskij period: sbornik nauchnykh statej. Vyp. 14* [Slavic traditional culture and the modern world. Complex researches of traditional culture during the Post-Soviet period: collection of scientific articles. Issue 14]. Moscow, 2011, pp. 121–131. In Russian.

Vinogradov G. S. *Strana detej: Izbrannye trudy po e'tnografii detstva* [Country of children: Chosen works on childhood ethnography]. St. Petersburg, 1999. In Russian.

Vinogradova L. N. *Zimnyaya kalendarnaya poe'ziya zapadnyh i vostochnyh slavyan. Genesis i tipologiya kolyadovaniya* [Winter calendar poetry of the western and east Slavs. Genesis and typology of carol-singing]. Moscow, 1982. In Russian.

Traditsionnyj fol'klor Vilegodskogo rajona Arxangel'skoj oblasti (v zapisyah 1986–1991 gg.): Issledovaniya i materialy. Otv. red. A. N. Vlasov [Traditional folklore of Vilegodsky

district of the Arkhangelsk region (in records of 1986–1991): Research and Materials. Editor-in-chief A. N. Vlasov]. Syktyvkar, 1995. In Russian.

Voroshilin V. A. Pesni novogodnih i rozhdestvenskih obxodov v Voronezhskoj oblasti [Songs of New Year's and Christmas rounds in the Voronezh region]. *Zhivaya starina* [Live olden times], 2009, no. 4, pp. 30–34. In Russian.

Drannikova N. V. Materialy k Pinezhskomu e`tnodialektnomu slovarju [Materials to the Pinega ethnodialect dictionary]. *Zhivaya starina* [Live olden times], 2000, no. 1, pp. 45–47. In Russian.

Efremova T. *Novyj slovar` russkogo yazyka*. Tolkovo-slovoobrazovatel`nyj [New dictionary of Russian. Interpretive word-formation]. Moscow, 2000. URL: <http://www.efremova.info>.

Zherebczov L. N. *K izucheniju kul'tury i byta gornozavodskogo naseleniya Komi kraja (II polovina XIX – nachalo XX vv.)*. Istoriko-filologicheskij sbornik. Vyp. 7 [To the study of the culture and life of the mining population of the Komi region (second half of the XIX – the beginning of the XX centuries). Historical and philological collection. Issue 7]. Syktyvkar, 1962, pp. 121–138. In Russian.

Korepova K. E. *Russkie kalendarnye obryady i prazdniki Nizhegorodskogo Povolzh'ya* [Russian calendar ceremonies and holidays of the Nizhny Novgorod Volga region]. St. Petersburg, 2009. In Russian.

Kostyuhin E. A. Hristianskie motivy v vostochnoslavyanskom detskom fol'klore [Christian motives in East Slavic children's folklore]. *Antropologiya religioznosti*. Red. A. Panchenko [Anthropology of a religiousness. Edition of A. Panchenko]. St. Petersburg, 1998, pp. 147–174. In Russian.

Krasheninnikova Yu. A. Svadebnye prigovory v svete narodnoj terminologii [Wedding speeches in the light of folk terminology]. *Tradicionnaya kul'tura: nauchnyj al'manah* [Traditional culture: scientific almanac], 2011, no 3, pp. 70–80. In Russian.

Krasheninnikova Y. Folklore historical prose of the Russian metallurgical tradition of the Komi republic. *Folklore: Electronic Journal of Folklore*. 2018 (in press).

Krasheninnikova Yu. A. Ryazhenye i ryazhen'e v russkih tradiciyah gornozavodskih poselenij Respubliki Komi (na materialah XXI v.) [Mummers and disguising in the Russian metallurgical traditions of the Komi Republic (on materials of XXI century)]. *Brudne, odrazajajce, niehciane*. Pod redakcją Swietłany Gaś, Doroty Kalecińskiej, Sandry Wawrzyniak. Wydawnictwo Rys. Seria: Badania nad językiem i kulturą, tom 2. Poznan, 2018 (in press). In Russian.

Neklyudov S. Yu. Gorodskaya pesnya: pamyat` detstva [City song: memory of the childhood]. *Zhivaya starina* [Live olden times], 2011, no. 1, pp. 19–22. In Russian.

Ozhegov S. I. *Tolkovyy slovar` russkogo yazyka*. Pod red. N. Yu. Shvedovoj. Izd-e 18, stereotipnoe [The explanatory dictionary of Russian. Under the editorship of N. Yu. Shvedova. Edition 18, stereotypic]. Moscow, 1987. In Russian.

Politov V. V. *Promyshlennost` Komi kraja v XVIII v.* [The industry of the region of Komi in the 18th century]. Syktyvkar, 2005. In Russian.

Rozov A. N. Russkoe rozhdestvenskoe hristoslavlenie (materialy i issledovanie) [Russian Christmas glorification of Christ (materials and research)]. *Russkij fol'klor. Materialy i issledovaniya*. Red. A. N. Rozov. T. 30 [Russian folklore. Materials and research. Edition A. N. Rozov. Vol. 30]. St. Petersburg, 1999, pp. 20–53. In Russian.

Safronov E. V. *Osobennosti ul'yanovskih Svyatok* [Features of the Ulyanovsk Christmas-tide]. URL: <https://ulpressa.ru/2011/01/06/article143757/> (accessed April 3 2017).

Slovar` russkih narodnyh govorov. Gl. red. F. P. Sorokoletov. Vyp. 31 [Dictionary of the Russian national dialects. Editor-in-chief F. P. Sorokoletov. Issue 31]. St. Petersburg, 1997. In Russian.

Slovar` russkogo yazyka XI–XVII vv. Gl. red. F. P. Filin, red. G. A. Bogatova. Vyp. 9 [Dictionary of Russian of the 11–17th centuries. Editor-in-chief F. P. Filin, editor G. A. Bogatova. Issue 9]. Moscow, 1982. In Russian.

Surina L. I. *Na dalekoj okrajne. Kak zhili i borolis` za svoi prava rabochie Komi kraya* [On the remote area. How did the Workers of Komi Region Lived and Fought for their Rights]. Syktyvkar, 1973. In Russian.

Tolkovyj slovar` russkogo yazyka. V 4-h tt. Pod. red. D. N. Ushakova. T. 2 [Explanatory dictionary of Russian. In 4 volumes. Under D. N. Ushakov's edition. Vol. 2]. Moscow, 1938. In Russian.

Tolkovyj slovar` russkogo yazyka. V 4-h tt. Pod red. D. N. Ushakova. T. 3 [Explanatory dictionary of Russian. In 4 volumes. Under D. N. Ushakov's edition. Vol. 3]. Moscow, 1939. In Russian.

Chernyh A. V. *Rozhdestvenskie i novogodnie obxody v russkih tradiciyah Permskogo Prikam`ya v konce XIX – pervoj polovine XX veka* [Christmas and New Year's rounds in the Russian traditions of the Perm Prikamye at the end of the XIX – the first half of the XX century]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istorija i filologija.* Vyp. 1 [Bulletin of the Udmurt university. History and philology. Issue 1], 2008, pp. 89–108. In Russian.

Chicherov V. I. *Zimnij period russkogo zemledel`cheskogo kalendarya XVI–XIX vekov (očerki po istorii narodnyh verovanij)* [The winter period of the Russian agricultural calendar of the XVI–XIX centuries (sketches on stories of folk beliefs)]. *Trudy instituta e`tnografii im. N. N. Miklukho-Maklaya.* T. 40 [Works of institute of ethnography of N. N. Miklukho-Maklay. Vol. 40]. Moscow, 1957. In Russian.

Received 23.07.2018

Krasheninnikova Yulia Andreevna,

Candidate of Sciences (Philology)

Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Urals Branch,

Russian Academy of Sciences (ILLH KSC UB RAS)

26, ul. Kommunisticheskaya, Syktyvkar, 167982, Russian Federation

e-mail: krasheninnikova@rambler.ru

Nizovtseva Svetlana Grigoryevna,

Research Associate,

Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Urals Branch,

Russian Academy of Sciences (ILLH KSC UB RAS)

26, ul. Kommunisticheskaya, Syktyvkar, 167982, Russian Federation

e-mail: svetlananiz@mail.ru